

ВИКТОРИЯ ШАБЕЛЬНИК

Злое небо

Виктория Щабельник

Злое небо

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18418073
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Молодая женщина Шания Перил попадает на планету-тюрьму, откуда нет возврата. Что она совершила? Почему ее отправили в ссылку, так похожую на смертный приговор? И сможет ли она выжить там, где человеческая жизнь ни стоит ничего? И если сможет – чего ей это будет стоить?

Содержание

1	6
2	15
3	31
4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виктория Щабельник

Злое небо

Корабль снова тряхнуло, и я едва не упала, успев схватиться за стальную решетку своей камеры. Мы были в пути около трех недель. Три жутких недели гиперпространственного перехода посреди пугающей пустоты и миллиардов звезд. Наконец, путешествие закончилось. Бывший военный, а ныне торговый корабль «Медуза» прибыл в пункт назначения. Я бы многое отдала, чтобы мы туда не долетели вовсе, но, кому-то там, наверху, на мои желания было плевать. Да уж, самое время, подлетая к Утлагатусу задуматься о Боге. Эта планета с неблагозвучным названием, переводимая как Изгой принадлежала к планетам – сиротам, что теряли связь со своей звездой, когда рядом с ними проходили гиганты подобные Юпитеру. Их гравитация выбрасывала мелкие планеты на нестабильную орбиту. И однажды они «отрывалась» и начинали свое одинокое путешествие по космосу. На таких планетах в течение миллиардов лет могла сохраняться вода, необходимое условие для появления жизни. Но жизнь не смогла зародиться там, где ступила нога человека. Ее нашли случайно, и использовали как одну большую тюрьму. Планета-тюрьма, с которой нет возврата. Никто не знал, сколько еще она может просуществовать. Терраформация приблизила ее климат к земной Антарктиде. Вечная мерзлота под

бескрайней пугающей пустотой чужого неба. *Им* достаточно было знать, что где-то в просторах Вселенной есть место, куда удобно отправлять тех, от кого необходимо избавиться навсегда. От меня избавились без колебаний...

1

– Пошевеливайся! Драх тебя побери! – низкорослый и плешивый тюремщик, потеряв терпение, толкнул меня в спину. К его глубокому сожалению я удержалась на ногах, хотя кандалы, сковывающие ноги мешали быстро передвигаться по камере. Я чувствовала, как металл растирает успевшую огрубеть кожу на щиколотках. С запястьями рук дела обстояли не лучше. Пребывание в карцере и долгий перелет не способствовали расцвету моей красоты. Спутанные волосы свисали, закрывая лицо и делая меня похожей на ведьму. Одежда успела испачкаться и кое-где порваться. Однако это не помешало бравому зрителю пару раз подкатывать ко мне с неприличными предложениями. Первый раз закончился для меня разбитой губой и синяком на скуле. Второй сотрясением и постоянной головной болью. Тюремный Казанова отделался отбитыми яйцами и сломанным носом, за что я получила десяток ударов плетью (да, человечество вышло в космос, а средства расправы над заключенными модернизировать не удосужилось). Наверное, именно поэтому между нами существовало что-то вроде холодной войны. Зная, что я вот-вот ускользну из его загребущих лап, он не мог дать мне просто уйти. Я это чувствовала, каждой клеточкой саднящей кожи ожидая какого-то подвоха. Почему-то даже уверенность в моей полнейшей непривлекательности не могло

меня успокоить. И я оказалась права. Повторный толчок в спину поставил меня на колени. Тюремщик схватил меня за запястья и одним рывком поднял на ноги, прижав спиной в угол камеры и задрал мои скованные руки вверх. Его язык прочертил влажную дорожку по моей шее, руки шарили по телу, пытаясь разорвать одежду. Видимо это у него означало прелюдию. Затем он приказал:

– Не шевелись, сучка, иначе будет больно...

Я понимала, что больно мне будет в любом случае. А в случае изнасилования, еще и до смерти обидно. Подождав, когда он приблизит ко мне свое лицо с пухлыми, раздвинутыми в порочной усмешке губами, я ударила его головой, надеясь, что это хоть ненадолго его отвлечет.

Наверное, в этот удар я вложила всю силу своей боли и разочарования и снова попала по не успевшему зажать носу. Там что-то хлопнуло, лицо залила яркая кровь, и Казанова, не сводя с меня удивленного взгляда, как подкошенный рухнул к моим ногам.

Я опустила руки, кандалы тянули вниз, переступила обездвиженное тело и замерла на пороге открытой камеры. И что дальше? Если эта мразь мертва, вернут ли меня на Сигму, чтобы снова вершить надо мной свой справедливый суд? Я успела сделать всего несколько шагов, когда дверь в отсек, где размещались камеры, открылась, и я увидела две фигуры, облаченные в черно-коричневую, отороченную мехом неизвестного животного, форму службы безопасности пла-

неты-тюрьмы. Всерьез сбежать я не рассчитывала, а, скорее, надеялась, что за мое преступление меня попросту убьют. Это бы все упростило.

Но вошедшие думали иначе. Бросив короткий взгляд на тело и даже не удосужившись проверить живо ли оно, безопасники расстегнули на мне ножные кандалы и, поддерживая за плечи, вывели из камеры. К ним поспешил присоединиться один из зрителей, отвечавших за заключенных. Увидев, без сомнения мертвого тюремщика и лужу крови под ним, что-то быстро заговорил на незнакомом мне наречии, видимо, требуя моего немедленного наказания. На что один из безопасников, тот, что повыше, равнодушно пожав плечами и игнорируя шумного зрителя, проворчал:

– Нехрен было подставляться. Сам виноват. Такого дерьма везде полно.

Я не спешила облегченно вздыхать. Успокаиваться было рано. Попав на Утлагатус можно было навсегда забыть о покое. Здешние порядки я представляла себе смутно, хотя там, далеко в безопасном и уютном доме до нас доходили кое-какие тревожные слухи, в которые не хотелось верить.

Мы поднялись по железной лестнице, и в глаза, привыкшие к полумраку одиночной камеры, в которой меня держали три недели, ударил яркий, ослепляющий свет, заставив зажмуриться. Не дав прийти в себя, безопасники потащили вперёд, через многочисленные отсеки, явно направляясь к выходу. Несколько раз нам навстречу попадались люди в той

же форме, что и у моих конвоиров. Видимо, я была не единственной, кого нужно было препроводить на блуждающую планету. Хотя с моей стороны было бы глупо предполагать, что ради меня одной *они* снарядят целый корабль.

Спустя четверть часа мы оказались в шлюзовой камере, состоящей из трех стенок расположенных друг к другу под углом 120 градусов и закрепленных на одной подвижной оси. Почти незаметное движение стен, и вот в мое лицо ударяет обжигающе холодный ветер с колючим снегом. Меня буквально потащили сквозь метель и пургу, совершенно не обращая внимания на порванную и пришедшую в негодность одежду, которая не могла меня защитить. Лохмотья развивались на ветру, волосы тут же покрылись инеем, а губы свело от холода. Несколько десятков метров меня буквально протащили на коленях, а после, сквозь метель я увидела темные очертания какого-то транспорта.

Нас, заключенных, доставленных «Медузой» бесцеремонно сгрузили в нечто, напоминавшее смесь товарняка с истребителем, и закрыли дверь. Поднявшись с холодного пола, я огляделась, пытаясь хоть что-то рассмотреть в сумраке. Мне слышались голоса людей, может быть, их было не больше десятка. Глаза все еще были слепы после перехода. Почувствовав, что наткнулась на что-то или кого-то поспешила убрать ногу и на всякий случай извиниться.

– Не стоит беспокоиться, – раздался в ответ довольно приятный голос, идущий откуда-то слева. – Учитывая все обсто-

ательства, глупо рассчитывать на комфорт.

Я добралась до стенки и медленно съехала вниз, туда, где по моим предположениям находился обладатель голоса. Он не возразил против моего соседства, и я украдкой стянула на своей груди разорванную робу.

– Позвольте представиться. Мирандус Толкен, к вашим услугам.

Речь случайного спутника меня слегка позабавила. Он выражался как джентльмен в романах о викторианской Англии, которые мне с трудом удалось разыскать в хранилище своего города. Видимо, поняв мое удивление, добавил:

– Профессор истории Всемирной академии Земли. Осужден за покушение на жизнь Премьер-Координатора межпланетного Союза.

– Шания Перил, – немного запнувшись, ответила я. Мои глаза начали привыкать к темноте, и собеседника удалось рассмотреть довольно подробно. Не более полутора метра ростом, рыжая, взлохмаченная похлеще моего шевелюра, и очки, спадающие с носа совершенно не вязались в моем понимании с образом матерого убийцы. Впрочем, учитывая мою собственную историю, меня трудно было чем-то удивить.

– О, как я невнимателен, прошу меня простить, – Толкен суетливо отлип от стены, и стянул с себя что-то, наподобие длинного, широкого шарфа, – вот, прошу. Если это вас не оскорбит, возьмите.

– Не оскорбит, – не давая себе протянуть руку к теплой, пахнущей шерстью материи, я отрицательно замотала головой, – но путь неблизкий. Вы замерзнете.

– Что вы, – запротестовал профессор, – я не мерзляк, и не могу позволить очаровательной молодой леди превратиться в сосульку.

Его настойчивость, а, скорее, даже дрожь, охватившая все мое тело после вынужденного путешествия снаружи заставили меня принять столь щедрый дар. Я на мгновение сжала шарф в руках, пытаюсь припомнить, как давно я не получала таких щедрых и искренних подарков. Почему-то я сразу поверила в то, что этот человек сделал его от чистого сердца.

– Значит, это вы та самая особа, что находилась в одиночной камере? – нерешительно начал Толкен.

– Боюсь, что да.

– До нас доходили слухи, что на корабле находится преступник планетарного масштаба. Вот только я и предположить не мог, что им окажетесь вы.

– И вы не боитесь? – с неожиданным интересом спросила я моего невольного попутчика.

– Чего? – удивился он.

– Ну... – я запнулась, пытаюсь представить какое зло мог бы причинить преступник моего уровня человеку, которого уже лишили всего, – что я вас убью, к примеру?

– Дитя мое, – вздохнул профессор, – считайте меня чересчур самоуверенным, но в этой жизни стоит бояться лишь

самой жизни.

Я замолчала, украдкой оглядывая помещение, в которое нас согнали как скот. Оно было сырым и темным. К стенкам прижимались люди, которым не посчастливилось быть приговоренными к заключению на заснеженную планету. Мужчины, несколько женщин. Одна из них, молодая девушка со слегка простоватым, но довольно милым личиком, изо всех сил прижимала к груди маленького ребенка. Ребенок молчал и испуганно жался к материнской груди.

– Что с ним будет? – невольно вырвалось у меня.

Профессор проследил мой взгляд и слегка нахмурился:

– Он родился при перелете и выжил. Ему повезет, если их с матерью оставят в главном корпусе. Она молода и привлекательна, возможно, кто-то из офицеров пожелает иметь при себе бесплатную служанку и... любовницу. Иначе им не прожить.

– А с нами? – решилась я задать вопрос, – что будет с нами?

– Обычно всех новоприбывших снабжают одеждой, едой на пару дней и оставляют посреди этого ледяного ада. Кому-то везет, и они выживают в одиночку. Многие сбиваются в группы. Но рано или поздно и тех и других настигает неизбежный конец.

– Смерть?

Я не стала ждать ответа, он и так был очевиден. Если бы существовал хоть малейший шанс выжить на этой прокля-

той планете, меня бы никогда не отправили сюда. Вспомнив, как вырывалась из рук скрутивших меня полицейских, крича и угрожая вернуться и отплатить за все, я горько улыбнулась. Иногда глупость и самоуверенность излечиваются весьма кардинальным способом. Там, в теперь уже таком далеком доме заключение на Утлагатус расценивалось как пожизненное изгнание. Никто не говорил об узаконенном убийстве. Все лицемерно верили, что система не может ошибаться. Когда-то я тоже верила в справедливость.

Нас ощутимо качнуло, и я поняла, что неказистый транспорт тронулся с места. Перелет оказался недолгим, но тяжелым. Через два часа непрерывной болтанки, корабль, наконец, опустился на замерзшую почву. Отсек открылся с тихим скрежетом, в проеме показались двое вооруженных охранника. Нас поодиночке отводили в огромное многоэтажное здание, выкрашенное в белый цвет. Оно сливалось с общим пейзажем и на миг мне показалось, что людей проглатывает снежная мгла.

Я завернулась в подаренный мне добрым профессором шарф, и трясущимися ногами ступила на снег. Ноги тут же погрузились в рыхлый сугроб. Сделав несколько шагов, я остановилась, поджидая Толкена, но, получив ощутимый удар по почкам, решила не злить охрану. Главное, и, похоже, единственное здание такого размера на всей планете неумолимо приближалось. В голову пришла странная мысль, что попав туда, у меня уже не будет шансов. Шансов на что? Я

толком не понимала. Но меня вдруг охватило щемящее чувство, что все кончено, и нет пути назад.

– Шания Перил, двадцать пять лет, рост метр 68 сантиметров, глаза голубые, нос прямой, шатенка, хронических заболеваний и жалоб..., – тюремный врач бегло посмотрел на меня, и ответил сам себе, – нет. Над ключицей и под лопаткой, зажившие шрамы, предположительно, следы от выстрела. На запястьях рук и щиколотках ног следы от кандалов. На щеке, шее, брюшной полости и ногах гематомы. Других повреждений, или ранений, угрожающих жизни не выявлено.

Я смотрела на врача – уже немолодого, с виду уставшего мужчину, средних лет, и с горечью думала, что вся моя жизнь уместилась в две строчки на его планшете.

Поспешила натянуть на себя все еще мокрую, мерзко липнущую к телу одежду, так как сменить ее на сухую нам никто не предложил. Снег, тая, стекал по одежде, образуя под нами грязные лужицы. Нас провели через терминал, завели в большое, а, следовательно, плохо отапливаемое помещение, заставили выстроиться перед красной линией, видимо, в этом месте происходило отделение «семян от плевел», и ненадолго предоставили самим себе.

«Бастилии в конце концов падут, и замки Иф на их остан-

ках возведут...¹» – Толкен склонился ближе к стене и пытался прочесть стершиеся от времени слова. Видимо, это был девиз заведения.

– Меня они так ни о чем и не спросили, – к нам подошла женщина с ребенком. Малыш был завернут в старое ветхое тряпье, спокоен, и с большим вниманием рассматривал окружающую обстановку, будто и не было изматывающего путешествия по снежным заносам.

– Почему они вас не пожалели? Неужели судья не видел, что вы в положении? – удивился профессор.

– Я Марта. Выросла в небогатой семье. Прилетела с Земли на Хаумею, чтобы заработать немного денег. Ну, вы же понимаете...

Я понимала. Хаумея славилась богачами и шикарными дворцами. Несмотря на все ее великолепие, казалось, этот маленький мир источает гнилостный запах разложения, который охватывает всю Солнечную систему. Планета была терраформирована около сорока лет назад и сейчас считалась символом роскошной жизни, вседозволенности и распушенности.

– Мне предложили работу горничной, это же такая удача – семидесятилетний старик, живет один, близкой родни нет. Вопреки моему ожиданию он оказался интересным дяденькой и мы подружились. А потом... Не знаю, как и сказать...

– Вы оказались в одной постели. И судя по тому очарова-

¹ Аврелий Марков.

тельному младенцу, что ты держишь в руках, вы там не только спали, — закончила я за нее.

— Ну да, — девушка помялась. — А потом я забеременела. Ну и мистер Гарри предложил мне родить. Детей у него не было, как-то не получалось, он хотел признать ребенка. И я согласилась.

— И что же потом?

— А потом его убили... Размозжили голову тяжелой вазой, — девушка всхлипнула, — а меня... а я... Не понимаю, почему его родственники, которых я даже не видела за все то время, что работала у него, обвинили в убийстве меня?

— Вот это как раз и объяснимо, — ответил профессор Толкен, — вы являлись бы опекуном наследника этого почтенного джентльмена. По достижению совершеннолетия, ваш ребенок имел право на свою долю наследства. Видимо, родственники уже давно между собой все поделили, и ваше присутствие в их планы не входило.

— Но мой ребенок?

— Он был бы наследником, не будь вы обвинены в убийстве, с особой жестокостью. Оставьте они его на Хаумее, был бы риск когда-нибудь заполучить невыгодного претендента. А так... кто знает, от кого вы понесли. Да и дату рождения малыша всегда можно исправить. Теперь никто не знает, когда вы его родили. Вам повезло, если можно так сказать. Вам и малышу сохранили жизнь. Видимо для того, чтобы ни у кого не возникало вопросов в личности убийцы. Правосудие

свершилось.

– Но есть же свидетели, что я родила в пути. К тому же, если провести исследования... можно ведь доказать чей это ребенок... – она была растеряна. Бедняжка, не думаю, что она желала зла своему мистеру Гарри. Скорее, просто хотела сытой жизни и человека, на которого всегда можно положиться. Но ее планы, натолкнувшись на чьи-то еще, полетели к чертям.

– Лишь в том случае, если кто-то кроме вас окажется заинтересован в установлении истины, – с сожалением ответил профессор. – Не думаю, что здесь вам позволят это сделать.

Нас прервал звук открывшейся двери, и в проем вполз человек, которого вполне можно было бы сравнить с горой. Его сопровождали двое из личной охраны.

– Итак, чмыри! Заткнулись, и слушаем то, что говорит ваш папа, царь и Бог на этой гребаной планете! – зычный голос коменданта эхом отразился от голых обшарпанных стен и разнесся по всему коридору. По нашим нестройным рядам пробежала волна тишины. Мои ноги от холода были готовы выбивать чечетку, руки мелко дрожали. Я лишь надеялась, что приветственная речь продлится не слишком долго.

– Мое имя – Ральф Насри. С ударением на *первую* гласную.

Сзади кто-то тихо хрюкнул, видимо не в силах сдержать кашель, маскирующий смех. Но его никто не поддержал.

– У меня список из тридцати имен, – продолжал комен-

дант Насри, – но вас, подранков, здесь только двадцать семь. Это значит, что трое сдохли раньше, чем попали в мои заботливые руки. Я поставлен здесь следить, чтобы не один из вас, долбаных идиотов, не скопытился до того, как вы пересечете Белую Пустошь и отправитесь в свободное плавание по бескрайним просторам Утлагатуса.

Его последняя фраза настолько не вязалась с предыдущим блатным жаргоном, что я искренне посочувствовала его тонкой и трепетной душе, брошенной в этот жестокий мир. Потом, с сомнением взглядевшись в это одутловатое лицо со следами вчерашней пьянки, красные свинячьи глазки, багровые щечки, заплывшие жиром и пузо, гордо стоящее торчком, сочла себя фантазеркой.

– Десятеро из вас, имена, которых я назову, останутся здесь и будут искупать свою вину, работая на благо скромного контингента станции: на кухне, в прачечной в мастерских. Остальных же, завтра утром высадят в точке, с которой и начнется ваш непростой путь, призванный сделать из вас достойных членов общества!

Пафоса в его словах и выражении лица было как по мне – так чересчур. Я и так знала, что окажусь среди тех, кто станет достойным членом общества лишь посмертно. Но услышав имя молодой мамыши, искренне за нее порадовалась. Если ее распределят на кухню, у нее будет шанс выжить и спасти малыша. Среди счастливиц было еще две женщины потасканного вида, судя по лицам которых их уже сейчас рас-

пирало от заботы о благе станции.

– Я знаю эту мразь, – за моей спиной раздался немного хрипловатый голос, будто человек был слегка простужен, – стоматолог, хренов. Еще на Земле любил «играть» с зэками.

К своему ужасу, я поняла, о чем говорил мой невольный сосед, еще недавно страдающий от кашля. Одна из самых жестоких пыток, призванная не убить, а заставить говорить, и негласно запрещенная уже много лет на Земле, но не в колониях – «стоматологическая помощь». Бедолагу заковывали в наручники, руки сводили под коленями. Затем под мышками перед грудью просовывали швабру или трость и подвешивали на спинках двух стульев. Потом вставляли поперек рта палку, разжимали рот и напильником стачивали передние зубы.

Я поморщилась, представив, как эта свинья проделывала такое с живым существом, превращая его в жалкий, стонущий оголенный кусок нерва. Когда, в общем-то, ничего из себя не представляющий человек получает власть над другими, он старается расквитаться за все свои надуманные обиды, унижения и комплекс неполноценности. Жаль, что теперь он обрел власть над всеми нами. И хорошо, что это лишь до утра.

– А теперь, выкидыши трупоеда, вы получите новую одежду и вас проводят в душ. От вас воняет.

Пятеро охранников, вооружившись электрическими дубинками, для придания нашей толпе ускорения, погнали нас

на два этажа вниз. От мысли, что сейчас я вымоюсь, стало не так погано на душе. Не успев подойти к двери, я споткнулась о чью-то предусмотрительно выставленную ногу в грубом форменном ботинке. Вмазавшись лбом в стену, услышала сзади мерзкое хихиканье. Обернувшись, и заставив себя не потерять ушибленное место, уставилась на высокого, но болезненно худого охранника.

– Осторожнее надо быть, – писклявым девчачьим голоском произнес он. Судя по выражению лица, в данный момент его пучило от счастья. Комендант, еще и этот... их здесь что, специально подобрали по степени сволочизма?

– Пошла вперед, чего пялишься, гадина!

Я внимательно и строго посмотрела ему в глаза.

– Какого черта вылупилась? – выражение счастья в его лице сменила нерешительность. Не сводя взгляда, я твердо и четко произнесла «запоминаю», и уже не обращая на него внимания, поспешила за остальными.

Обжигающе горячая струя ударила мне в лицо. Я зажмурилась, и, дав себе немного привыкнуть к такой долгожданной воде, смело встала под душ. Санобработка проходила на нижнем уровне, заключенных согнали в одну большую душевую и оставили без охраны. И, правда, куда мы денемся из подвала? Хоть несколько минут не видеть тюремщиков, не замечать на себе их брезгливые, надменные взгляды. Сколько раз себе говорила, что мне плевать на то, как ко мне от-

носятся и кем считают. Наверное, со временем я поверю, что мне все безразлично. Но пока... я еще недостаточно заледенела для этой планеты.

Взгляд выхватил тощую фигуру Толкена, и я тут же поспешила отвернуться. Профессор был чрезвычайно сконфужен, и мне совершенно не хотелось смущать его еще больше. Вымыв и выжав волосы, пожалела, что не остригла их раньше. Наскоро вытершись, наконец, обернулась. Все были заняты собой, еще не до конца осознавшие куда они попали люди суетились, сновали туда-сюда, пытались привести себя в порядок до того, как войдут стражники и увидят их голыми и беззащитными. Как будто одежда гарантирует чью-то безопасность. Почти все они выглядели обычными людьми, а не рецидивистами, которым прямая дорога на ледяную планету. Я хмыкнула про себя и начала одевать то, что каждому выдали по прибытию. Термобелье, без которого на чертовой планете можно замерзнуть в первый же час. Широкую рубашку, грубую, но теплую, штаны, явно не моего размера и меховую куртку, которая источала какой-то странный, незнакомый мне запах, носки и ботинки, на грубой подошве. Была еще шапка, плотно прикрывающая уши и очки, защищающие глаза от промозглого ветра. Но с этим я решила повременить. Одевшись, я облегченно вздохнула.

– Я знаю, что нам бессмысленно роптать на судьбу. И все же, это варварство! – профессор поспешил обратить на себя мое внимание. – Никогда не думал, что в моем возрасте мне

придется пройти через такое!

Он был возмущен и расстроен. Не знаю, что больше его огорчало: то, что он здесь, вместе с людьми вне закона, или то, что его вынудили испытать стыд.

– Это всего лишь тело, – я посмотрела ему в глаза, стараясь внушить то, что сможет хоть как-то помочь, – оно при-
выкает к жаре, холоду, голоду и жажде. Оно может умереть,
но не должно вызывать у вас неловкость.

– Вы слишком молоды, чтобы так относиться к данной си-
туации, – возразил он.

– Я стара чтобы меняться. А молодой и наивной была дав-
но.

Отойдя от Толкена, я присела на скамью, скрытую тон-
кой перегородкой. Так у меня появилась какая-то иллюзия
одиночества. До меня доносился шум воды, злое пофырки-
вание, шлепанье мокрых босых ног по холодному кафелю.
Такие мирные звуки в таком страшном месте.

– Простите, пожалуйста! Не могли бы вы мне помочь, –
передо мной с просящим видом замерла молодая мамаша,
Марта. Грудничок все еще мирно спал у нее на руках, и видя
его розовые щечки и чуть подрагивающий во сне носик, мне
почему-то захотелось заплакать от злости на судьбу.

– У нас заканчивается время, а я еще не успела вымыться.
Не могли бы вы его подержать?

С этими словами она впихнула мне ребенка в протянутые
на автомате руки и поспешила отойти. Я пожала плечами, и

сосредоточила взгляд на малыше. Бедный ангелочек в ледяном аду. Что ждет тебя среди негодяев и убийц? Дадут ли тебе вырасти? Или, презирая за слабость, расправятся раньше, чем ты сможешь себя защитить?

Мои размышления прервало появление рядом мужчины средних лет, носатого с бородой. Его совершенно не смущало собственное тело, сплошь покрытое татуировками, что позволили распознать в нем завсегдатая тюрем. Нижняя гмм... часть туловища была скупо замотана дырявым полотенцем.

– Привет, красавица! – я удивленно глянула на него. Он мне явно льстил, хотя, отмывшись и приодевшись среди подобной компании, я немного выигрывала.

– Здравствуйте, – вежливо произнесла я. Неприятности мне были ни к чему. Еще не понятно как на мне скажется убийство тюремщика. Хотя... Неужели меня изгонят и с этой планеты? Губы сами собой растянулись в полуулыбке. Вся ситуация напоминала страшный и абсурдный сон. Мне здесь не место, среди этих людей, я не должна со смирением и покорностью слушать какого-то расписанного под хохлому мужика, достаточно сильного, чтобы выбить из меня дух.

– Я давно за тобой наблюдаю, – начал он издалека, видимо, разбираясь в приллюдии ничуть не лучше дохлого тюремщика.

Я молча взидала на него, ожидая когда он продолжит, и для меня начнутся новые неприятности.

– Ну че, подружмся, что ли? Одной бабе на этой планете не выжить.

– Благодарю, но вынуждена отказать. Не хочу отягчать вашу и без того нелегкую жизнь заботой о моей безопасности.

– Чего? Какой безопасности? – он поморщился, будто не совсем понял мой ответ, потом, видимо решив, что мы не договоримся, как-то сразу расстроился. Сжал кулаки, исписанные разноцветным орнаментом, и мне показалось, что сейчас меня снова будут бить. Тут же пришла мысль о ребенке: куда его спрятать, чтобы не навредить. Ситуацию неожиданно спас один из охранников, который потеряв терпение, заглянул в душевую и грубо приказал пошевеливаться.

– Еще перетрем, – потенциальный благодетель поспешил ретироваться. Да, трудно нынче с отважными героями.

– Он к вам приставал? – профессор спешно присоединился ко мне. После душа его выющиеся волосы пришли в еще больший беспорядок, да и весь он выглядел каким-то нескладным, тщедушным и потеряннным. Одежда мешком висела на исхудавшем теле.

– Знакомился. Видимо хотел создать клуб по интересам.

– Будьте осторожны. Не стоит наживать врагов, которые могут усложнить жизнь там. Но и демонстрировать слабость было бы ошибкой.

– И что же делать? – поинтересовалась я.

– Быть собой. Не смотря ни на что, – твердо изрек Толкен.

Здесь не было одиночных камер, здесь не было элементарных удобств. Для тех, кто попал сюда лишь для того, чтобы утром навсегда уйти имелось три широких лежанки из не струганного дерева, умывальник и сортир. Зэки довольно щедро уступили мне целую лежанку, разместившись кое-как на полу. Как шепнул мне профессор, наблюдая, как я обустроиваю спальное место, это было данью уважения человеку, убившему тюремщика на «Медузе». Слухи разносятся быстро. И я боялась... Чего именно, я не знала. Как еще можно наказать человека, и так отправляемого на смерть?

Все произошло где-то спустя час, после того, как мы расположились, и кое-кто успел задремать, подкошенные нелегким днем. Мне не удавалось расслабиться. Тело было напряжено, разум отказывался махнуть на все рукой и плыть по течению, упрямо подсовывая варианты дальнейшего развития событий. От того, что они были неутешительными, спокойнее не становилось.

– Заключение Перил! – меня буквально сдернуло с лежанки. – К Коменданту!

Меня вели мимо камер, но мне казалось, что я стою на месте, и это они движутся навстречу мне. Когда тяжелая металлическая дверь оказалась распахнутой прямо перед моим носом, я сделала шаг внутрь и замерла. Толчок в спину убедил меня подойти поближе к Насри.

Он восседал в огромном кожаном кресле, с трудом умещавшим его тушу. Я посочувствовала бессловесному пред-

мету и опустила глаза вниз, как меня учили.

– Итак, моя заблудшая овца, мне доложили, что вместо того, чтобы встать на путь исправления, ты занялась душегубством. Это правда?

Меня больше забавляло, когда он говорил по фене. Но, пришлось лишь вздохнуть и кротко кивнуть головой.

– Ты убила своего тюремщика. При исполнении, вероломно напав на него сзади!

Я подняла на Насри взгляд и тут же опустила. Мужик вошел в раж, и несоответствие фактов его ничуть не смущало. Главное, чтобы ему не пришло в голову меня допросить с пристрастием. Вспомнив про его любовь к стоматологии заранее решила признаваться во всем, в чем ему придет мысль меня обвинить. Главное, пережить эту ночь. А дальше...

– *«Ты имеешь право отвечать, когда спрашивают, и молчать, когда не спрашивают. Это твоя свобода выбора, мразь!»* – процитировав чье-то изречение, он кивнул замершему сзади меня конвоиру, и я упала от сильного удара по ногам.

Ирония заключалась в том, что меня вроде бы ни о чем и не спрашивали. Скорее всего, это – воспитательная беседа, которая должна была закончиться либо увечьями, либо смертью. Я готова была рискнуть и поставить на первое. Не захочет он марать об меня руки здесь и сейчас. Марать, выражаясь фигурально. И я снова поморщилась, ощутив новый удар по печени.

– Уберите ее отсюда, – брезгливо прошипел комендант, когда после следующего удара кровь, из рассеченной губы полилась на ковер, – и приберите здесь.

Транспортировку моего тела на место ночлега помню смутно, я была благодарна уже тому, что меня вернули. Профессор не спал. Охнув, извлек серый от грязи платок, смочил его в раковине, и постарался остановить кровь из разбитой губы. Пока он со мной возился, из нашей камеры вывели еще троих. Как я подозревала, комендант был сегодня в ударе.

– Я ждал, когда вас приведут, – шепнул он мне, – не мог поверить, что для вас все кончится именно здесь.

– Я тоже, – улыбаться было больно, но мне захотелось послать ему приободряющую улыбку, показать, что я в порядке.

– Но вам плохо! Как же вы сможете выдержать завтрашний день?

– Это будет завтра, – поморщилась я, старательно выбрасывая все посторонние мысли из своей головы.

Ночью началась метель. Снег валил плотной стеной, сужая видимость до минимума. Людей в полной темноте загрузили во флайер, достаточно тяжелый, чтобы выдержать сильный ветер. Нас осталось семнадцать человек, которым не нашлось места нигде. Напротив меня оказался татуированный приятель со свежим синяком. Он бодро подмигнул

заплывшим глазом и отвернулся. Рядом сел профессор, видимо решив не оставлять меня одну ни на минуту. Подлетая к границе, так поэтично именуемой Насри Белой Пустошью, мы увидели в небе свечение, пока неяркое. Но с каждой минутой забирающее у темноты все больше пространства.

– Что это? – я ни к кому не обращалась, но ответил мне именно профессор.

– Сияние. На Земле полярные сияния наблюдаются преимущественно в высоких широтах обоих полушарий в овальных зонах-поясах, окружающих магнитные полюса планеты. А здесь... Это всего лишь искусственный эффект, созданный при терраформировании. Иллюзия, и ничего больше, – Толкен печально вздохнул.

Я промолчала, думая о том, что фальшивой, оказывается, может быть не только твоя жизнь, но и целая планета.

Ледяной ветер ворвался во флайер, когда один из конвоиров отворил дверь. Транспорт так и не приземлился, из чего я сделала неутешительный вывод – нас высадят на планету немного странным способом. Когда двое эков буквально вывалились налету, увлекаемые вниз тяжелыми мешками с запасами еды на несколько дней и прочими нужными мелочами, до меня дошло, что останавливаться и зависать тоже, в общем-то, никто не собирается. Флайер продолжал свой стремительный полет. Бросив на меня одобряющий, но слегка печальный взгляд, профессор также скрылся. Я встала, боязливо пробираясь к выходу. Когда до бушующей сти-

хия оставалось всего несколько шагов, и ветер бил колючим снегом прямо в лицо, один из конвоиров схватил меня за руку. Мы оказались наедине на небольшом отрезке, скрытом от взоров остального персонала. Он притянул меня к себе и со злостью бросил:

– Получи подарок, сука!

Я вырвалась вперед, зависнув над снежной пропастью, которая сейчас казалась мне спасением, и почти не почувствовала резкую боль под ребром, короткий полет и удар, выбивший из меня дух, но оставивший одну-единственную ускользающую мысль: почему теперь?

Холод обжигал... Воздух казался острым и колючим. Он попадал в легкие, и превращался там в лед. Я чувствовала, как снег накрывает меня белой пеленой. Скоро не будет холода, не будет боли. Я просто уйду.

Год назад.

С каждой секундой я отдалялась от Земли, зная, что увижу теперь ее не скоро. Мой короткий отпуск подходил к концу, родной дом, родители и сестренка, остались далеко позади, а впереди успешная, я надеюсь, карьера боевого пилота. Бывший курсант, а, ныне выпускница Звездной Академии Шания Перил, мечтающая о космосе, звездах и долгих межпространственных перелетах не должна быть слишком сентиментальной. Женщины-пилоты не редкость в нашем мире, и многие из них когда-то мечтали управлять военным крейсером, чувствуя в своих руках всю мощь многотонной махины, подчинявшейся легкому касанию руки. Но мечты имеют обыкновение не сбываться. Торговый флот охотно принимал на службу лиц женского пола, но в военных действиях посчастливилось участвовать лишь единицам. Их имена навсегда сохранились в истории военного флота, к сожалению, многие были внесены туда посмертно.

Тогда, пять лет назад, мне пришлось выдержать сложные

экзамены и пройти большой конкурсный отбор. И я поступила. Поступила! Жизнь казалась мне, простой девчонке с древней Земли, волнующей и захватывающей, а сердце замирало в предчувствии чего-то необычного.

Официально Земля входила в Союз планет, охватывавший все терраформированные и заселенные людьми миры Солнечной системы, а, затем и части Галактики. Со временем рост населения Земли, изменения в экологии и климате создали критическую ситуацию, когда недостаток пригодной для обитания территории поставил под угрозу дальнейшее существование и развитие самой цивилизации. Тераформировать Землю не имело смысла. Слишком разрушительной для нее явилась урбанистическая деятельность человека. Она исчерпала свои природные ресурсы, и единственное, что могло ее спасти – объявление планеты чем-то вроде заповедной зоны, в надежде, что время сможет все исправить. Было принято решение о переселении людей на планеты, ставшие, впоследствии колониями сперва Земной Федерации, а, позже Союза планет.

Как это ни странно, но первыми колонистами стали диссиденты. Люди, по какой-то причине, не нашедшие понимания на своей планете. Они были изгнаны, либо сами приняли решение покинуть Землю. Среди них оказались ученые, врачи, писатели, художники. Колонии стали быстро развиваться. Стремительный скачек науки, техники, прогресс в медицине и генетике привел к значительному улучшению и

продлению человеческой жизни. И вскоре земляне были вынуждены пользоваться помощью тех, кем еще недавно пренебрегли. Происходило формирование новых культурных, моральных и политических традиций, и вскоре жители еще совсем недавно одной планеты поняли: колонисты, что они уже давно перестали быть землянами, вследствие чего прекратили испытывать от них зависимость, а земляне, что жители колоний вполне могут обходиться и без них. Вот тогда Земля, на короткое время успевшая почувствовать себя Звездной империей, предложила планетам Союз. От такого щедрого предложения колониям было трудно отказаться... сразу. И они объединились, не видя другого выхода, мечтая, что со временем ситуация изменится, как бы невзначай направив все свои усилия на развитие оборонного комплекса.

Правительство Союза во главе с Премьер-Координатором создавая Империю своей мечты, покинули Землю, находящуюся, по их мнению, слишком далеко от театра каких бы то ни было действий. Столицей и главной планетой Союза была избрана экзопланета Сигма, «разогретая» до нужной температуры с помощью направленных ядерных ударов в залежи гидратов,² что привело к выбросу в атмосферу парниковых газов. Жизнь новой главной планеты Союза началась с того, чем едва не закончилось существование Земли.

Человечество разрасталось, вырывая у Космоса все боль-

² Гидраты – продукты присоединения воды к неорганическим и органическим веществам.

ше территорий, простирая свои руки в самые отдаленные уголки Галактики. И не всегда этот путь был легок и приятен. Нет, мы не встретили там злобных инопланетян. *Пока...* Но поняли, что человек может быть куда страшнее самого злобного чудовища, вышедшего из-под пера фантаста.

На старой Земле никогда не было мира. Люди всегда находили причину для убийства друг друга. Разбредшись по космосу, они придали своим распрям более глобальный масштаб. Появлялись те, кто поставил свои интересы выше интересов и жизни других. Когда-то они считались бы обычными бандитами, сейчас же гордо именовали себя космическими пиратами, видимо, отдавая дань некой романтике. И мы, ВВС Межпланетного Союза были призваны очистить космос от подобной угрозы (да, нам так же не был чужд романтизм, доставшийся в наследство от матушки-Земли), в идеале же нашей задачей была охрана отдаленных колоний от нападения, сопровождение грузов на дальние расстояния и наблюдение за вверенным пространством.

Подобное вялотекущее противостояние продолжалось не одно десятилетие. Время от времени раздавались здравые высказывания на тему: «если пираты существуют, значит это кому-то нужно», заканчивавшееся локальными чистками и увольнениями. Но в последнее время, помимо пиратов Союз столкнулся с новой угрозой. И шла она, как это ни странно, от его собственных колоний.

Меня куда-то тащили. Ускользавшее сознание на миг услужливо подбросило мне образ снежного чудовища, волюющего меня в свое логово с целью сожрать, но я вяло от него отмахнулась. Какая теперь разница, как закончится моя жизнь, если жить мне осталось слишком мало. Несмотря на то, что мое тело окоченело, я чувствовала, как с каждым вздохом из него уходит жизнь. Конвоир поступил мудро, не выстрелив в меня из лазерного оружия. И если меня когда-нибудь найдут, то вряд ли кто-то проявит заинтересованность к трупу с ножом под ребрами. Хотя... кто будет меня искать? Здесь, в ледяной пустыне.

Хотелось пить, и я с трудом облизала запекшиеся губы. На них уже был тонкий слой снега. Но этого показалось мало. Мне хотелось еще и еще. Я слабо дёрнулась, и вскрикнула от боли. Это заставило, тащившего меня, остановиться. Послышались шаги, и надо мной склонилась лохматая, белая фигура. Я закричала и, кажется, потеряла сознание.

— Ну и бабы нынче пошли, — чей-то грубоватый голос вонзался в сознание вместе с треском дров. Где бы я ни оказалась, здесь было тепло. И судя по тому, что кто-то рядом говорил, его обильная лохматость мне, похоже, привиделась. — Норовят грохнуться в обморок по малейшему поводу.

– У нее глубокая рана на боку, сильная потеря крови. Счастье, что она до сих пор дышит, – а вот этот голос был мне знаком, – не обижайся, что она не сразу тебя признала.

Откуда здесь Толкен? И кто тот, другой, что тащил меня по снегу?

– Смотри, кажись, очнулась? – надо мной склонилась бородатая физиономия, и я с удивлением узнала в ней татуированного мужика, что набивался мне в друзья. – Привет, красавица! Помнишь меня? Я Миха!

Миху я помнила, хотя не была уверена, что была представлена ему по всем правилам в нашу первую и последнюю встречу.

– Здравствуйте, – прошептала я, сглатывая вязкую слюну. Кто-то приподнял мне голову и влил немного теплой воды. Она имела странный и непривычный привкус, но казалась божественно прекрасной.

– Тебе больше нельзя. – Толкен помог мне занять удобное положение и я, наконец, смогла рассмотреть место, где мы находились. Это была небольшая пещера, вход в которую оказался завален большим камнем. Посреди весело горел костер. Над ним висел жестяной казанок с каким-то варевом, источавшим приятный запах.

– Как я здесь... – горло свело и я замолчала. Но профессор понял мой вопрос.

– Я долго ждал, когда они тебя «высадят», а когда этого не произошло, медленно побрел за летящим флайером. Я силь-

но отстал, по-моему, сделал круг, заблудился. Из-за метели почти ничего не было видно. А потом встретил нашего друга, — он кивнул на бородатого мужика.

Тот поклонился, кривляясь, и вернулся к приготовлению пищи.

— Тогда мы решили вернуться назад по своим следам и попытать счастья еще раз. К тому времени тебя почти полностью завалило снегом. Нам просто повезло.

— Спасибо, что вернулись, — я понимала, что если бы не эти двое, быть мне припорошенной мерзлой горкой.

— Главное еще впереди, — возразил профессор, — я растерянно посмотрела на него, — у тебя рана. Ее нужно зашить.

— Я..., — странно, пока он не напомнил, я неплохо себя чувствовала. И лишь сейчас ощутила на своем боку какую-то тряпку, которая успела намокнуть.

Толкен взялся за дело с особым рвением. Не знаю, был ли у него опыт практический, или он просто стремился поскорее применить теоретические знания. Он отбросил ткань, успевшую пропитаться кровью, и промокнул рану платком, смоченным в теплой воде. Затем пришла пора инструментов. Я не могла заставить себя смотреть, как он четко, со знанием дела промывает короткую иглу и ножницы, моет руки. Затем, с помощью ножниц ему удалось изогнуть иглу и пропустить через ее ушко тонкую нить. Когда он повернулся ко мне, я поймала себя на мысли, что готова ползком пересечь пещеру и подождать снаружи пока не угаснет его жажда це-

лительства.

– Эх, на что переводим амброзию, – со стороны бородача раздался тяжелый вздох, и он протянул Толкenu флягу. Мне на рану брызнули нечто, сине-фиолетового цвета с сильным запахом денатурата, видимо в качестве анестетика. Когда он поднес иглу к ране и сделал первый стежок, мне захотелось хлебнуть «амброзии» и, отравившись, быстро умереть.

Это длилось несколько бесконечно долгих минут, которые я, как мне кажется, выдержала достойно. Не вырывалась, не пыталась сбежать, лишь пару раз вздрогнула, и мысленно желала себе потерять сознание. К сожалению, этого не произошло.

Когда я немного пришла в себя, мужчины уже сидели у огня, тихо о чем-то переговаривались и прихлебывали ложками с общего котелка. Толкен первый увидел, что взгляд мой приобрел осмысленное выражение, улыбнулся, и вручил мне в руки горячую жестяную кружку.

– Приятного аппетита, – пожелал он мне.

Я настороженно взглянула на ее содержимое, вдохнула и выпила короткими глотками. К моему удивлению, варево оказалось съедобным и даже приятным на вкус. Вот только почему-то мне не хотелось знать его ингредиенты.

– Значит, они решили тебя прикончить? – Миха вытер рот рукавом рубахи, сыто рыгнул и вопросительно уставился на меня. – Неужели мстят за того огрызка, которого ты порешила на «Медузе».

– Не думаю, – на какое-то мгновение мне самой пришла в голову эта мысль, но я быстро ее отбросила. Это было бы слишком просто, жаль, что все не так. Эти люди, сидящие сейчас здесь со мной, и кажущийся бесхитростным Миха, и скромный профессор, даже не догадываются о том, кто я такая. Надеюсь, они этого не узнают никогда. Сколько бы нам не довелось времени провести вместе. Я бы не хотела их... разочаровывать. Хотя, если все мы оказались в этом ледяном аду, может быть, каждый из нас это заслужил?

Год назад.

Дом как будто спал, но я знала: на первом этаже слева от лестницы, в дальней комнате, заставленной книгами, горел камин. И меня ждали. Я пересекла коридор и на цыпочках прошла по мягкому ковру. Знаю, было слишком расточительно снимать целый дом, когда многие офицеры до сих пор жили в казармах и едва сводили концы с концами. Но я всегда мечтала о чем-то своем, родном. Куда можно прийти и быть самой собой. Поэтому почти все, что зарабатывала, отдавала за аренду. Но и этих денег не хватило бы, если бы не...

– Это ты? – я улыбнулась его вопросу. Ну, кто же еще?

– А ты ждал кого-то другого? – лукаво спросила я и бросилась в объятия Рейна. Высокий голубоглазый шатен, сильный, добрый, самый лучший на свете. Наверное, я не беспристрастна, но глядя на этого мужчину, мне хотелось прожить с ним жизнь, нарожать детей и никогда больше не рас-

ставаться. Он нежно привлек меня к себе, поцеловал, провел кончиками пальцев по волосам, и я почувствовала себя самой счастливой женщиной на свете.

– Как семья? – он сел в кресло и усадил к себе на колени. Я обняла его за плечи и уткнулась подбородком в его макушку. Стало тепло и уютно.

– Передают тебе привет. Хотят видеть жениха их дочери и сестры.

– С удовольствием с ними познакомлюсь, – Рейн улыбнулся, и от его открытой улыбки мое сердце забилось быстрее.

Вот уже два месяца, как мы приняли решение жить вместе. Сразу после того, как Рейн Вилард, пилот, а с недавнего времени командующий новеньким боевым крейсером «Фурия» (названного так, по словам моего жениха, «в мою честь»), сделал мне предложение руки и сердца. Однажды утром я проснулась, а у меня на пальце уже было надето кольцо из платины с голубоватым бриллиантом в виде звезды, а Рейн, даже не скрывая удовлетворенного взгляда, заявил, что раз я не сняла его сразу, значит, согласна принять его предложение. Кольцо было прекрасно! У меня бы никогда не хватило духу его снять. Поэтому... пришлось согласиться. По крайней мере, именно так я пояснила причину своего согласия жениху.

Мы знали друг друга уже давно, еще с Академии, но близки стали намного позже. Для многих было бы странно узнать, как долго я оттягивала это событие. Не потому что не лю-

била... Он был старше на два курса. Наверное, я просто не верила, что завязав отношения с женщиной, буду отдаваться учебе с прежним рвением. Или не хотела знать, что кроме космоса есть и другая жизнь, романтика, любовь. Рейну пришлось потратить много времени и сил, чтобы изменить мое мнение. Когда же зашла речь об аренде дома, все свое красноречие пришлось применить мне. Я была упряма и настойчива. Да, я хочу быть независимой, даже от собственного будущего мужа. И ничего, что я сейчас почти на мели. У меня контракт, а, значит, скоро я вполне смогу содержать себя сама. Поэтому все, на что я согласилась – это позволить Рейну вносить половину суммы оплаты за дом.

– Знаешь, – я нахмурилась. Одна мысль не давала мне покоя всю дорогу с Земли. Мне хотелось с кем-то посоветоваться, чтобы Рейн меня успокоил, и уверил, что все будет хорошо, – папа получил выгодный контракт на Дельте-2. Но не хочет так надолго бросать маму и Даринку. Мама мне сообщила, что всерьез подумывает перебраться в колонию всей семьей.

– Тебя это беспокоит? – Рейн внимательно всмотрелся мне в глаза. Он всегда чувствовал мое настроение.

– Дельту-2 можно назвать оазисом благополучия. Там спокойно, жители ни в чем не нуждаются. Но она далеко! Ты сам прекрасно знаешь, сколько в последнее время совершенно нападений на пассажирские суда. Даже в сопровождении охраны.

– Если тебя тревожит только это, мы придумаем, как безопасно доставить твою семью к месту назначения. Могу взять несколько дней увольнительных, я так и не использовал отпуск за последний год. Заодно, познакомлюсь с будущими родственниками.

* * *

Я вынырнула из воспоминаний, которые засасывали меня, словно тина. Почувствовав на глазах влагу, украдкой смахнула непрошеные слезы. К счастью, мужчины не заметили моего состояния. Не хочу выглядеть слабой. Хватит того, что я ранена и уязвима.

Сколько еще мы сможем просидеть в этой пещере, пока нас не найдут? И кто может прийти сюда, если учесть, что на этой планете у нас нет друзей. Лишь охранники и конкуренты, борющиеся, как и мы за выживание. Будто в ответ на мои не слишком приятные мысли, камень, скрывавший вход дрогнул. В образовавшийся пока что узкий проем ворвался ветер и снег.

– Черт возьми!

– Твою мать! – два восклицания моих товарищей прозвучали одновременно. Я промолчала, сжав в руке оставленные профессором ножницы и надеясь продать свою жизнь подороже. Наконец, камень оказался отброшен с чьего-то пути и нас троих оглушил громкий звериный рев.

Рычание гулким эхом отразилось от стен пещеры и мне захотелось заткнуть уши и закрыть глаза. Но я переборола в себе этот порыв. Не следует терять бдительность и выпускать ножницы, особенно если тебя соберутся все-таки сожрать.

Первой в открывшийся проем пролезла чья-то оскалившаяся морда, затем, издав недовольный рев, она исчезла, и на ее месте появилась уже вполне человеческая физиономия, заросшая бородой, припорошенной снегом.

– Фу! Пошел отсюда!! – я догадалась, что это не нам, и уже с неким интересом ждала, что же будет дальше.

Наконец, в нашей пещере появился человек целиком: громадная туша белого меха, увешанного необъятными сумками. Его лицо, кроме бороды скрывала шерстяная маска с вырезом для глаз и плотные очки. Эта «туша» впустила в пещеру холод, мокрый снег и сильный запах псины, сняла очки, обвела нас троих внимательным взглядом, и ухмыльнулась:

– Ну че, Миха, обделался со страху? – его громоподобный голос, мало чем отличавшийся от рева его «домашней тварюшки» слегка оглушил, – а это чего за крендель с бабой? Мы договаривались, ты будешь один.

– Привет, Роб. Планы немного поменялись. Нас теперь трое, – Миха радостно вскочил и пожал гостю руку, больше похожую на медвежью лапу.

– Вот и я о том же, – Роб скинул сумки на землю и плюхнулся рядом с Михой, – и че это за баба?

– Это мои кореша. Я за них ручаюсь, – Миха мне подмигнул, – в конце концов, кто платит, тот и заказывает музыку.

Я подивилась Михиной эрудиции, и поглядывая исподлобья внимательно присмотрелась к Робу. Не думаю, что от него могут быть проблемы. Большой, громогласный, но вряд ли очень злой. Если только не решит натравить своего... гм... хомячка, оставшегося за дверью и недовольно пофыркивающего.

– Дело твое, как и бабки, – Роб встал, поправил тулуп и привычно гаркнул, – ну все, детишки, собираемся.

– Погодите, – неожиданно вмешался профессор, – но Шания ранена. Она не может идти как минимум неделю, и то, при благоприятном стечении обстоятельств, хорошем уходе и питании.

Роб тупо посмотрел на Толкена, потом на Миху. Когда тот в ответ пожал плечами, он обернулся к профессору и переспросил:

– Это ты с кем сейчас говорил?

– С вами, – профессор немного растерялся, видимо начиная сознавать, что понимания не произошло.

– Я сказал, собирайтесь и баста. Я не буду торчать здесь неделю, и ждать «благоприятных обстоятельств». Но могу ее добить, чтобы не мучилась.

Затем он добавил что-то неприличное про чью-то маму,

которая вела беспорядочную половую жизнь, и вышел в метель. Мы переглянулись с профессором и, вздохнув, я приняла решение:

– Вам нужно идти.

– Здесь оставаться опасно, слишком близко к месту высадки, – возразил Толкен.

– У вас нет другого выхода. Вы и так сделали для меня слишком много. Я не хочу подвергать вас опасности.

– Это глупо и нецелесообразно! В конце концов, мое воспитание и расположение, которое к вам испытываю, не позволит мне бросить вас одну. В этом ужасном месте!

– Здесь тепло, если оставите мне горячее и еды на пару дней, смогу продержаться. А потом... Мы все здесь в одинаковом положении, профессор. Я не хочу стать причиной вашей смерти. Мне своих призраков хватает.

– Я останусь с вами! Это не обсуждается! – профессор вскочил, и упрямо тряхнул головой. Его рыжая взлохмаченная шевелюра дернулась в такт его движению.

– Вы уйдете с Михой и попытаетесь найти безопасное место. Не нужно за меня бояться. Поверьте – смерть меня не пугает, но и умирать я не собираюсь. Я справлюсь.

– Э, может хватит уже, – в пещере снова появился Роб и она стала казаться меньше и теснее, – достали меня своей болтовней. Уйдем все, так и быть. Собирай свою болезную, ботан и мотаем отсюда. Я транспорт подогнал.

Мы все посмотрели в проем, откуда на нас с не меньшим

интересом пялился... зверь, он же, по-видимому, транспорт. Назвав его хомячком, я погорячилась. Это была смесь волкодава и саблезубого тигра. Видя к себе повышенное внимание, он провел большущим языком по верхним клыкам и предвкушающе сглотнул. Мне окончательно стало плохо.

Я вглядывалась в еще четкие довольно крупные следы зверя, которые не успел замести снег. Крид был здесь не больше часа назад. Я помнила, что идти нужно с подветренной стороны, у крида очень чуткий нюх. В животе заурчало от голода. Сказывались сутки без еды. На этой планете каждый сам думал о своем пропитании, и выживал лишь тот, кто мог за себя постоять, себя прокормить. Для нас, *отбросов общества* и так сделали слишком много – дали возможность добывать себе пропитание, запустив на планету зверей, специально созданных для выживания в суровых условиях. Но, учитывая чрезмерную хищность некоторых из них, невольно возникал вопрос: кто кем должен питаться? Иногда люди, движимые кто отчаянием, кто трезвым расчетом сбивались в стаи, сами уподобляясь тем, на кого охотились. Главное, отправляясь на очередную вылазку за едой не встретить кого-нибудь, из принадлежавших к другой стае.

Прошло около четырех месяцев, как я, верхом на саблезубом Тилле в компании профессора и двух бывалых зэков пересекла километры снежной пустыни и добрела до скалистых гор. По словам Роба, где-то там, очень далеко, куда нам

был закрыт путь, в *Оазисах*, климат был мягче, да и редкое солнце, созданное искусственно, грело. Правда, растительность на лишённых льда участках существовала в основном в виде мхов, лишайников и папоротниковых. Впрочем, я и не надеялась в ближайшее время наслаждаться видом цветов. Было даже море, где-то там... А здесь подо льдом... Кто его знает. Может быть, мы ходим над бескрайними просторами воды, и даже не ведаем об этом. А «летом», то есть, совсем скоро, благодаря солнечной радиации, снег начнет таять, кое-где можно будет увидеть слабые ручейки. И день станет дольше, и солнце будет видно круглые сутки. Точнее, то, что позволят нам увидеть мрачные, хмурые небеса.

Еще в дороге я узнала, что Миха и Роб были знакомы с их последней отсидки пять лет назад. Роб попал сюда в прошлом году и с тех пор готовился к приему друга.

– А откуда вы узнали, что Миху доставят именно сейчас? – удивился профессор.

– Если есть чем платить и нужные знакомства, можно узнать обо всем, – усмехнулся Роб, – это там (он показал глазами в небо) все считают что здесь жизнь заканчивается. Но у многих она только началась.

Его странные слова меня немного удивили. И лишь со временем я стала понимать, насколько он оказался прав. Живя в комфорте родной планеты, обучаясь в Академии все, о чем я могла думать, это карьера, успех и личное счастье. Я привыкла к удобству, теплу, дорогой и удобной одежде,

красивому белью, изысканной пищи и не представляла себе, как в один момент все это может исчезнуть. И вот тогда станет ясно, чего же ты стоишь на самом деле. Я была благодарна шумному и грубоватому здоровяку Робу, который научил нас с Михой добывать себе пищу, выживать в суровых условиях, жить простыми радостями и не думать о завтрашнем дне. Профессор оставался с нами. Наверное, он просто не мог поверить, что судьба сыграла с ним злую шутку закинув на эту планету. Из дня в день я видела его печальный взгляд, в котором застыла какая-то обреченность и детская обида на судьбу. Это хорошо! Если он способен обижаться и злиться, значит, он еще не смирился. И со временем, он станет бороться за свою жизнь. А пока я сделаю это за нас двоих. Пока не найду способа выбраться из этого дерьма и навсегда улететь с чертовой планеты. Дальше этого я запрещаю себе мечтать. Потому что мечты имеют обыкновения разбиваться о жестокую реальность.

Животное, намного крупнее волка, замерло и принялось. Затем, будто что-то почуяв, ошетинилось и прижало короткие уши к почти плоской голове. Крид на вид был гораздо хуже, чем на вкус. Но в нашей ситуации выбирать не приходилось. Сжав мачете, спрыгнула с невысокого каменного навеса и одним ударом отрубила зверю голову. Темная кровь брызнула на снег, и я почувствовала дурноту. Никогда не привыкну убивать... Странно, но сейчас, когда я смотрела на крупную тушу зверя, который обеспечит нас едой на

пару дней, мне было его более жаль, чем того тюремщика с «Медузы». Деградация моральных принципов налицо.

Благодаря искусственной атмосфере планеты, «днем» небо имело темно-серый цвет, ближе к утру кое-где просматривалось северное сияние, ночью же черное, усыпанное миллиардами звезд небо, демонстрировало то, о чем мы все старались забыть. Одинокий космос, без уютного привычного светила, оторванность от всего, что было нам когда-то дорого и знакомо. Свет в небе заставил поднять голову вверх. Было достаточно темно, чтобы рассмотреть несколько бледных лучей, прорезавших свод. Слишком далеко от тюремной базы, и от других обитаемых мест. Неужели кто-то смог забраться в такую даль? Кто бы это ни был, он рискует, находясь так близко к границе терраформированной зоны.

Я вернулась ближе к планетарной ночи, таща добычу за собой и нырнула в отверстие, под казалось бы, сплошной горой. Снег скроет мои следы и кровь. Дальше продвигаться было не слишком удобно, но приходилось терпеть. Вниз несколько десятков метров, металлический заслон, когда-то бывший электронной дверью старой каюты. Некогда на этом месте потерпел крушение один из первых транспортных кораблей. Не знаю, кто нашел это место первым и настолько хорошо его замаскировал. Был шанс, что нас никто не обнаружит. Наше убежище было довольно просторным, но, учитывая, что в нем жило десять человек, об особом уюте и уединении речи не шло. Кроме меня еще две женщины и семе-

ро мужчин разных возрастов. Самым старшим здесь считался дядя Ёрик. Ходили слухи, что когда-то он играл на сцене и даже имел неплохой успех у зрителей в роли принца Датского. Но после стал пить и связался с дурной компанией, решившей использовать актерский дар Ёрика на полную катушку. Первый срок мотал за мошенничество, а дальше... на этом месте он всегда вздыхал и разводил руками. Ну не удержался. Не судьба ему вести праведную жизнь. Кроме Михи и Роба, которые взяли на себя обязанность обеспечивать безопасность, а, иногда и пропитание, с нами жили двое молодых парней, едва вышедших из подросткового возраста. Попали они сюда вместе, так же, как и грабили «наглых буржуев». Скорее от безысходности и обиды на весь мир, чем из самой любви к преступлению. Делали они это мастерски, по их словам, даже не видя жертвы, подбираясь к буржуйским миллионам с помощью всемирной сети. Но где-то эти ребята все же наследили, став безусловными жертвами судейского произвола. Иногда они принимались за спор с дядей Ёриком, в котором всегда затрагивались проблемы богатства и бедности, социального неравенства и упоминались имена Маркса с Лениным. Они выглядели одухотворенными какой-то идеей и походили на двух непризнанных гениев, вечно прозябающих в нищете, усугубленной непониманием окружающих. Приглядевшись к ним повнимательнее, я не заметила особой тяги к насилию, но все, же держалась с ними настороже. И последний из лиц сильного пола, кого

мне довелось встретить в нашем убежище, был некий Вонг, мужчина ближе к среднему возрасту, с моложавым лицом, в котором преобладали азиатские черты уроженца Земли, отличавшийся флегматичностью и тягой к уединению. Он мало общался с остальными, и о себе ничего не рассказывал. Все же мне казалось, что его узкие глаза теряют свое равнодушие, и он прислушивается к тому, что происходит вокруг. Иногда я чувствовала на себе взгляд его черных, как небо Утлагатуса глаз, который меня немного смущал. Время от времени он брал меч, сделанный собственными руками (вообще, все холодное оружие и арбалеты, которым располагала наша небольшая группа, было изготовлено им) и шел на охоту. Тогда мы могли себя побаловать и устраивали настоящий пир, потому что Вонг никогда не возвращался с пустыми руками. Однажды, преодолев непонятную робость, я у него спросила – не мечтает ли он вырваться отсюда. Он тогда впервые посмотрел на меня открыто и... засмеялся. Я никогда не слышала его смеха ни до того, ни после. На следующий день он предложил мне показать, как обращаться с ножом, и не встретил отказа. Благодаря этому я смогла добывать еду и стала чувствовать себя полноценным членом нашей группы.

С женщинами дело обстояло немного сложнее. Считалось, что на Утлагатус ссылают безнадежных рецидивистов и убийц. Про меня мне все было понятно, что же до них... Та что помоложе, Симона, высокая, эффектная кареглазая крашеная пока еще блондинка, судя по всему принадлежа-

ла к одной из древнейших профессий, и даже, по ее словам была довольно известной в своем городе куртизанкой. Какой-то глупый спор с клиентом о деньгах, закончившийся поножовщиной и двойной смертью: клиента и ее «гражданского мужа», попросту сутенера, привел ее сюда. Клиент, к несчастью, оказался с большими связями, а его родственники не желая порочить честь семьи, позаботились о новом месте жительства для этой роковой красотики. Впрочем, она оказалась девушкой не капризной, и была преисполнена сочувствием к проблемам сильного пола, к великой радости мужского населения нашей общины. Вторая, Брина, старше среднего возраста, с длинными седыми волосами и добрыми лучистыми голубыми глазами. Глядя на нее никто бы не подумал, что она здесь из-за двойного убийства. Тетушка Брина, как она просила всех себя называть, неплохо разбиралась в травах и ядах, в чем смог убедиться ее ныне покойный супруг со своим собутыльником, в очередной раз, вернувшись домой и пожелавший поучить жену уму-разуму. Выбивая из нее женскую дурь вместе с парой зубов, он и не догадывался, что переполнил чашу терпения, коим славилась его жена. Впрочем, собутыльник не был случайной жертвой, а получил свое за подстрекательство и ехидные комментарии в процессе «обучения».

Я вошла в наше убежище, победно держа несчастную тушку, и, увидев мягкую улыбку на лице профессора, почувствовала, как теплеет на душе. Тетушка Брина сразу же

занялась зверьком, решив приготовить рагу. Как оказалось, Роб был прав – в этом странном мире можно было приобрести многое, если было, что отдать взамен. В нашем случае, бартером выступало холодное оружие, благо, металла, на его переплавку у нас пока было достаточно и разные электронные механизмы, созданными нашими «узниками совести», от раций до датчиков движения. Другие группы, как и мы, были чрезвычайно заинтересованы в собственной безопасности. Обмен проходил на нейтральной территории и каждый из участников на обратном пути старался как можно лучше замести следы. Недоверие было вполне объяснимо: чужое имущество манило оппонентов с невероятной силой.

С первых дней для меня было странно, даже дико то, с чем я столкнулась. Но затем, вспомнив слова Роба, поняла, что нужно принимать жизнь такой, какая она есть. Поэтому, ходила на охоту, когда наступала моя очередь, как и все не замечала по вечерам предвкушающих взглядов кого-нибудь из мужчин, обращенных на Симону, и легкие стоны, доносящиеся по ночам с ее места. Привыкла засыпать в сопровождении оглушающего храпа дяди Ёрика, к концу третьей недели уже воспринимая его как саундтрек к ночному времени суток. Моя рана давно перестала меня беспокоить, побои постепенно сошли, и жизнь вошла в свою колею.

– Вижу, ты не с пустыми руками, – Роб вошел первым и бросил свой длинный нож. Он никогда не ходил безоружным, и эта привычка не раз спасала ему жизнь. В этом ми-

ре нужно было опасаться не только и не столько зверей, завезенных сюда для поддержания «баланса в экосистеме», сколько собратьев-людей. Миха ковылял следом. В последнее время у него обнаружились проблемы с обувью, которые пока что были неразрешимы. Нужного «бартера» не оказалось, а подходящей жертвы вынужденного обмена все не попадалось. Натертые ноги болели, а в рану, вероятнее всего, попала инфекция. Несколько раз пришлось обращаться за лекарством на базу, но их помощь обходилась слишком дорого.

Тилль, зайдя последним, стряхнул с длинной шерсти снег и улегся возле очага, предвкушающе глядя на готовящуюся тетушку Бринну. Она кинула ему кусок свежего мяса и зверь, довольно зачавкав, забыл обо всем.

Мужчины вернулись с обмена, и, зная Роба, думаю, им пришлось пройти не один лишний километр, чтобы запутать следы.

– Тетушка Брина обещала побаловать нас вкусеньким.

Роб сел рядом с питомцем, и о чем-то задумался. Гораздо позднее, когда все собрались к ужину, рассевшись полукругом за тонким листом железа, покрывавшего несколько камней и служившим нам обеденным столом, он глянул на меня.

– Завтра на обмен пойдем ты, я и Вонг. Миха с Тилем – охраняют убежище, – я лишь молча кивнула, даже не думая возразить. Роб был негласным лидером нашей группы, и мы все не раз убеждались в его умении принимать верные ре-

шения. Пока Миха не вылечится, он может стать помехой на встречах с другими эками. «Узники совести» были слишком ценными для группы, ими нельзя рисковать, профессор и дядя Ёрик не в счет. Хорошо, что Вонг кое-чему меня обучил.

Вонг также ограничился коротким кивком. За последнюю неделю он выковал несколько ножей, два мачете и три топора. Если бы все можно было выменять на муку, гречку, сахар и соль, впрочем, этими продуктами наши цели не ограничивались. Нужно было так много! В то злополучное время, когда на планету обрушивался снежный ураган, и охотиться не имело смысла, нас выручали консервы, оставшиеся еще от прежних хозяев разбившегося корабля. Тетушка Бринна их тщательно переваривала и...

Я поняла, что думаю о чем угодно, только не о предстоящем походе. Мне было тревожно. Встав и пожелав всем спокойной ночи, я вышла из небольшой и шумной «гостиной», свернула за угол и села на низкую лежанку, служившую мне кроватью. Укуталась в дырявое покрывало, так же принадлежащее хозяевам корабля, и закрыла глаза. Завтра будет новый день, вот завтра и буду бояться. А сейчас спать.

Ветер пробирал до костей и я невольно поежилась. Снег облеплял очки, и приходилось все время их очищать. Мы находились в укрытии около часа и за это время успели превратиться в три больших снежных кома. Если так пойдет и

дальше, тетушка Бринна не дожидется своей муки. Но Роб прав – нельзя доверять никому, тем более тем, кто не против нажиться за чужой счет. Нужно проверить, сколько человек придет на встречу, нет ли опасности и только потом выходить из укрытия. Сзади над нами нависала глыба, отступающая от горы на несколько метров, сбоку через десяток шагов начинался обрыв. Подкрасться незаметно к нам было практически невозможно.

Вонг лежал справа от меня с непроницаемым лицом. По нему невозможно было понять, что он замерз или испытывает какие-то неудобства. Даже очки, скрывающие пол-лица и считавшиеся важным предметом нашего обмундирования он одеть не пожелал. У Роба уже посинел рот и, судя по побелевшим щекам, мы имели в наших рядах первое обморожение.

Я пришла к выводу, что больше не могу, когда из-за снежной пелены появились темные фигуры пяти человек. Они шли неспешно, и были в более выигрышном положении: снег не бил им в лицо, а глаза под стеклами очков не слезились.

Какое-то время Роб еще чего-то ожидал, затем, обменявшись с Вонгом какими-то знаками, встал, и направился к подошедшей группе. Они разговорились, и Роб позвал меня присоединиться. Вставая, заметила, как Вонг юркой ящерицей покидает наше лежище, и направляется куда-то в сторону. Даже арбалет, прикрепленный у него на спине, не добавлял мне уверенности. На душе было по-прежнему тре-

можно. Я неторопливо преодолела разделявшее нас с пришлыми расстояние, попутно снимая запотевшие очки, открывая лицо колючему морозу. Руки крепко сжимали тяжелый сверток из выделанной кожи. Сегодня бартером были короткие ножи и кинжалы. Надеюсь, клиентам не захочется опробовать их на нас.

– Шмара входит в условия сделки? – я постаралась не скривиться от услышанных слов. До того момента, как смогу вытащить свое мачете глупо думать об оскорбленной добродетели, – могу накинуть пару банок сгущенки.

– Она со мной, – отрезал Роб, по моему напряжению легко поняв, что терпение на исходе. И даже сгущенка не в силах уничтожить неприятный осадок.

– Ты не знаешь, что теряешь, – на этот раз слова были обращены непосредственно ко мне. Хотя они вряд ли могли мне польстить, а, тем более, прельстить. Учитывая хроническую нехватку женского пола в этой дыре, даже тетушка Бринна давно разменившая полтинник, считалась бы первой красоткой, если бы задалась целью устроить свою личную жизнь... или поесть сладкого. Поздно корить Робу за ошибку. Ему не нужно было тянуть на эту встречу меня. Жаль, что мы поняли это только сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.